

Встреча на Вишере. Плачь о порушенной дюжине перьев

порука одиннадцатая

Рысь Русь и Попугай – оба ошеломлённые, онемевшие от въяве чинимого произвола, в коем же уготовили им, не спросясь, роли заглавные, – на миг и застыли, как воны усопших – в камне руин. Но только ж на миг:

Рысь вздыбила шерсти, напружилась, оскалилась люто... загудела студящим кровь рыком... Попугай, опомнись, ветры пустил... да икнул... да всхлипнул насадно... горлом прокеркал невнятное, мутное что-то, матерно-горькое... тут и зашёлся разом в истощном – купно всем, им когда-либо слышанным: воями-воями, плачами-рёвами – птиц и зверей, и природных явлений, и нежитной жути, и людянских унывных рыданий...

... и взорвалась спонтанно безадресным бунтом обуятая птица:

умом потемнясь, сама же – клювом своим – перо из хвоста и повырвала: предпоследнее, то, что было когда-то, в хвосте полнопером, одиннадцатым!

— Да подавитесь вы вашими перьями, скуды!..

Вам нужен бесхвостый, бесхвостый, бесхвостый совсем Попугай?! Он у вас будет!..

Обезумев насквозь, клювом вцепился уж было в перо и последнее, красное, да Рысь помешала:

аки молния, быстрая, в броске феерическом – с камня на ветку – Рысь метнулась и мягкой лапой своею клюв отвадила: от пера, ещё не порушенного...

а при том – вот уж чудо! – сухая кривулина ветки не хрустнула, не сломилась под тяжестью зверя немалого... уж воистину: чудо! хоть и нежитное... но добро, как и зло – есть привычка...

и сказало Прокудливо дерево веско, но ласково:

— Рысь – дюже правильный зверь, уважаю!

В тот же миг, вдохновившись от рысьего подвига, и с кустами бесчинными дерево люто расправилось: с теми кустами, которых здесь не было, но на нервы давили исправно, и ведь так докучали, что и нежити жить в той докуке совсем неуютно... тут и случай суразный – гнев свой явить – представился нежити...

... но даром-то дереву дело благое с рук-ветвей не сошло: как-то вдруг на сучьях корявых обозначились почки... бұхнуть затеяли... всем же известно: для дерева злого зазеленеть – что ославиться зорно!..

... и Кто-то, тот самый, что из кустов, – лишившись кустов: их напрочь не стало, – ровно крапивой ошпаренный, бегал по дрóмам таёжным да глухomanям: совсем нагишом, одно причиндалы прикрывши ветóхой, ранее бывшей шкуркой морского свинёныша Кўя... да гнали ж его ото всюду, кóлким шпыняли... даже местная лешеть и прочая нежить над ним изгалялась: швыряли вослед комыа грязи да рудные сгустки, из коих бериллы – для глаза красиво, но больно для тела – дюже торчали... да заблудила та лешеть изгоя вконец, безвозвратно... в том заблуде, однако ж, он и обжился: растворился в глубоких пещерах, где долго пугал гулким квóхтом туристов настырных...

Что ж до Рыси – обняла бережно Рысь Попугая могучею лапой, коей не раз подминала всякой крупности зверя, но здесь – обымáла словно крóхкость саму, нежно касаясь плеча поруганной птицы, обезумевшей в горе, мерой которому: море! И мурлыкала Рысь и турлыкала, ворковала да напевала:

— Злая судьба тебе выпала, птица!.. На меня ж не серчай, коли слово какое, к пернатости злое, и молвила: говорила в запале. Ты же, как тать, заявился: без упрежденья... Знать мне откуда же было, что ты за птица?! Вот и молвила резко, что думала, дура я рыжая... Не серчай на Рысь Русь, птица гáрная: Рысь по жизни всегда – зверосердная, кроткая, коли ж к ней – не клыком, а душою открытою!

— Зачем же ты так говоришь, что как думаешь? И без того Попугай знает, что Рысь о нём думает.

Рысь тоже знает, что о ней думает птица. И оба мы знаем, что знаем, кто что о ком и как думает...

Зачем же об это-то – вслух?.. Разве ж нельзя – о лазóрях, что в небе, о лепых закатах?..

Не тебе говорю – всем говорю: и нашим и вашим... раньше б так не сказал – теперь говорю:

да! не способствует настрою ликующему текущая вместе с нами эпоха: скупа на гóрнее, обильна вычурным... и зла немеряно, в тогу прогресса, якобы дóлжного, ряженного... мир злёт, то да... но зачем злём мы?..

Рысь обомлела: от красоты парадигм, от мудрых глаголов, явленных птицей...

Сама ж к тем словам-валунам не приспéшила даже – и вскользь, и ящеркой речи сопутной,

дабы ничем не смутить, не порушить величие слога,

возводящего лéствицу в небо от дна: от нас, от скомканых бытом... Восхищённо молчала.

В сумерках таял последний день августа високосного шестнадцатого года в бесславном пока ещё XXI веке...

О вётре, ветрило!

ты пёрья зачем уносило?

попугаевы пёрья, рулящие,

хвост чудо-дивный перящие!

А и было тех перьев двенадцать: славная дюжина!

А осталось одно перо, алое, да кручинушка дюжая.

Так и сидели – в обнимку, в молчбé. Рóсская Рысь и кархáдская птица.

Дни, вечера – шелестели мимо. И опали. Подобно жухлой листве и высохшей хвое.

Продолжение следует.

... непременно следует, ибо от горизонта – от скóла окоёмного, от предела лезвийного –

куда сей только миг и скатилась последняя капля Светила –

сверкнул Луч Зелёный: Свет живой,

цвет Надежды.